

Б. Н. РОМАНОВ

Хор химер

И демоны несутся вплавь,
Как корабли, над нашей крышею.

Даниил Андреев¹

У Даниила Андреева в поэме «Ленинградский апокалипсис» неожиданно появляются химеры. Нет, не похожие на ту, из Древней Греции, о трех головах — козы, льва и змеи-дракона — Химеру, а чудища собора Парижской Богоматери. Те, что сидят у подножия квадратных башен и зло смотрят вниз. Эти создания готической фантазии олицетворяют человеческие пороки и духов зла, реющих в городском воздухе. У них даже есть имена. Кажется, что, получив имя, чудовище перестанет быть химерой.

Отчего страшное порождение Тифона и Ехидны оказалось таким живучим мутантом, отчего химерами мы называем пустые странные мечты?

У Даниила Андреева химеры Нотр-Дам промелькнули как демоническая нечисть, сопровождающая уицраора, демона великодержавия. Потому что это уицраор со своей зловещей свитой появляется под уханье орудий, рев бомбардировщиков и взрывы бомб в Ленинграде января 43-го года. Каков он, этот уицраор, если «очертить его невластны / Ни наших знаний кодекс ясный, / Ни рубрики добра и зла»?² Поэт увидел его, услышал непередаваемый словами «шорох его присосок / И ног, бредущих по земле»³. В нем ему чудилось «Шуршанье миллионов жизней, / Как черви в рыбьей головизне, / Кишевших меж волокон тьмы...»⁴.

Фронт вокруг блокадного города — поле битвы двух уицраоров⁵. А явление уицраора России, Третьего Жругра, сопровождается глоссами невнятных чудищ, которые

Нечеловеческою жалобой,
Тревогой, алчною тоскою
Над паутиной городской
Ревут, стенают, плачут с крыш ⁶

.....

Поэт не может сразу опознать их:

Что за творенья — над столицей,
Но в мире смежном, странном, голом
Доселе скрытые, свой голос
В ночных сиренах обрели?
Зачем телами, взором, лицами
Их не облек владыка ада?
Что им грозит? и что им надо
В раздорах горестной земли? ⁷

Не сумев назвать этих тварей из рати античеловечества (они упоминаются в «Розе Мира»), поэт находит их образы в готическом Средневековье, это

.....

Угаданные смутно зодчими
Созданья странной, скорбной веры:
Взирающие вниз химеры
На серых глыбах Нотр-Дам ⁸.
Вместе с ними:
Из ниш Бастилии и Тауэра,
Из Моабита, в тьму взлетая,
Не их ли сестры хищной стаей
Вились у плах, как воронье? ⁹

.....

Химеры у Даниила Андреева не случайно промелькнувший образ. В поэме в прозе «Изнанка мира»¹⁰ «ангелы мрака и бесформенные химеры вступают в бой с даймонами и серафимами»¹¹.

В цикле «Сказание о Яросвете»¹² химеры — «толпы адских незримых созданий»¹³ сродни главным представителям рас античеловечества — игвам с красными глазами, цилиндрическими головами и вытянутыми трубчатыми губами¹⁴, и раруггам, перерожденцам далеких эр, похожим на птеродактиля¹⁵.

В поэме «Демоны возмездия»¹⁶ в грохоте разваливающихся галактик звездного простора «громоздит блудница-химера / Жертвы на жертвы свой пьедестал»¹⁷.

Ширяют крылами химеры и над Москвой, «в лукавой буйной столице»¹⁸ (цикл «Предварения»¹⁹).

В «Железной мистерии» о своей алчущей рати химер говорит уицраор²⁰. Химеры таятся в капищах Друккарга, inferнального обиталища российского античеловечества, над раненым уицраором они «выстраиваются кругом, заламывая руки <...> с унылыми лицами»²¹.

Но и в «Русских богах», и в «Железной мистерии» химеры остаются некой недоовоплощенной, недооформившейся свитой скульптурно зримых и поименно названных представителей сил тьмы²². Только крылатые и рогатые изображения химер Нотр-Дам, упомянутых в «Ленинградском апокалипсисе»²³, дают представление об их облике.

Собор Богородицы находится в Париже на острове Сите у самой Сены. Даниил Андреев видит химер рядом с Васильевским островом²⁴. В Париже он никогда не бывал. Простодушно писал жившему там брату в мае 1927 года: «Очень надеюсь на следующий год съездить в Париж»²⁵. Ему снятся «святые камни» Европы, он говорит о своих снах — странствиях свободного духа:

Брожу по спящим городам,
Дрожу у фресок и майолик,
Целую цоколь Нотр-Дам,
Как человек, — француз, — католик²⁶.

Но, родившийся в Берлине, Даниил Андреев в Европу не попал, заграницы не увидел, если не считать детских поездок к отцу на финскую Черную речку²⁷. Но тогда и она была в России. Так почему же он оказался заморожен чудищами парижского собора? Почему вдруг они ожили в его поэме? Перечитывая «Ленинградский апокалипсис» и наткнувшись на вззирающих вниз химер, мимо которых раньше скользил не задумываясь, я вдруг вспомнил рассказ Аллы Александровны Андреевой, его вдовы.

Вот что она мне рассказывала.

«Кто-то из Парижа привез Добровым две статуэтки, изображавшие химер собора Нотр-Дам. Когда это было, точно не помню, во всяком случае, во времена юности Даниила. Тогда было модно их привозить, видимо, модно и теперь, потому что последний раз

такую химеру я видела у своей приятельницы. А в Париже она была где-то в семидесятые годы.

Статуэтки химер оказались в комнате Саши Доброва, двоюродного брата Даниила. И вот спустя некоторое время с ним стали твориться страшные вещи. Он был чудным человеком, но вдруг сделался наркоманом, а потом тяжело заболел. Его мама, Елизавета Михайловна, сказала, что во всем виноваты эти чудища, все сделали эти чудища. Одну статуэтку она успела выбросить. Тогда на нее все закричали, в том числе и Даниил, что это произведения искусства, как можно быть такой суеверной, что за нелепость, что за предрассудки.

Уцелевшую химеру Даниил поставил в своей комнате. Тут и с ним стали твориться непонятные вещи. Наступил тот его темный период, который он описал в стихах, вошедших в „Материалы к поэме “Дуггур”“²⁸. Что это было? Мне Даниил рассказывал о пережитом им погружении души в жуткий мир Дуггура, но я не хочу об этом говорить, потому что все обязательно перетолкуют и перевернут...»

Кое-что о «темном периоде» Алла Александровна мне все же рассказала. Но и я, зная совсем немного, не хочу говорить больше того, что сказано самим поэтом, называвшим свою юность мрачной, ее годы «темным бредом»²⁸, путем, который был «узок, скользок, страшен»²⁹. Судя по дате под стихотворением, в котором он говорит о нашептываниях «Богоборца»³⁰, можно сказать, что период этот начался в 1923 году и продолжался, по меньшей мере, до 1927-го. А может быть, некие темные вихри проносились над ним, смущали его и позже, в начале тридцатых. «Хлынь же в меня — ночь!» — строка из стихов марта 30-го³¹.

Мелькнули в «Материалах к поэме „Дуггур“» и химеры. В одном стихотворении «Взвыли хищные химеры / У тоскующих вокзалов...»³², в другом «Плачет клир серафимов, стонут в безднах химеры...»³³. И, наверное, совсем не случайно заканчиваются циклы, повествующие о темных блужданиях и возвращении к свету обращением к «звезде морей»³⁴, Богородице католического гимна³⁵.

«Наконец, — рассказывала Алла Александровна со слов самого поэта, — он понял, что действительно в изображении химеры живет какая-то черная сила. Он сказал об этом Гале Русаковой, бывшей однокласснице, с которой дружил, которую многие годы безнадежно любил. Галя над ним посмеялась так же, как он когда-то смеялся над Елизаветой Михайловной, и статуэтку у Даниила, хотевшего уничтожить ее, взяла себе. Вскоре она вышла замуж, они долго не виделись. Потом Даниил узнает, что Галин муж тяжело заболел,

у него туберкулез. Придя к ним, он увидел, что на шкафу рядом с диваном, где лежал больной, глядя вниз, прямо на него, стоит химера. Придумав какой-то повод, он взял ее и разбил. Но вскоре муж Гали Русаковой умер.

Когда я увидела химеру у своей приятельницы, я посоветовала ее выбросить. Она надо мной посмеялась, говоря все то же: суеверие, произведение искусства... И вот заболела — рак. Уже в больнице она отнеслась к моим словам по-другому, и я уговорила ее, если она так не хочет уничтожить произведение искусства, все же избавиться от него. Я предложила: давай я перевяжу твою химеру нарядной ленточкой и подарю на новоселье К. А этого К. никто у нас в доме не любил. Так и сделала. К. этот потом перенес операцию на глазах... Кажется, он жив, что с этим злодеем может случиться. Но я о подарке ему вспомнила, когда сама ослепла...»

После рассказа Аллы Александровны мы с ней пошли к полкам, на которых хранятся папки с архивом Даниила Леонидовича. Нужную папку найти не сумели, а когда искали, из вдруг распахнувшихся дверей посыпались лежавшие там пересохшие тюбики краски, еще что-то. Мы стали поспешно собирать. Удивительно легко для своих 87 лет наклоняясь, она слепо нашаривала тюбики, я помогал. Неловко поднятая мной планка оказалась с гвоздями, потекла кровь, понадобился йод. О том, что это может быть укол химеры, мы, конечно же, не подумали.

Рассказ Аллы Александровны я записывал на диктофон. На другой день собрался послушать. Голос ее зазвучал свежо и увлеченно. Но только она стала говорить о злоключениях с химерами, как запись оборвалась, из диктофона раздался скрипучий неприятный звук, и я вспомнил строки Даниила Андреева:

Только хищные химеры
Воют гимн у горизонта,*³⁶
.....

Хотя они выли еще у Маяковского:

В стеклах дождейки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери³⁷.

* *Маяковский В. В.* Полное собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955–1961. Т. 1. С. 177.

Так он писал в «Облаке в штанах»³⁸. А потом, уже в двадцатые, в стихотворении «Notre-Dame» залихватски предложил для целей электрорекламы «лампочки вставить в глаза химерам»*.

Химеры в русской поэзии появились давно. И не только потому, что поэты жилали в Париже. Хотя они и мелькают в иных стихах лишь как выразительные детали парижского пейзажа. Например, у Волошина, замечательно описавшего парижский дождь, в котором

<...> на груди сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame... ** 39

Стихотворение Константина Бальмонта «Химеры» вошло в цикл «Художник-Дьявол»⁴⁰ его самой известной книги «Будем как солнце» (1903)⁴¹. Заигрывание с inferнальными силами в стихах начала века — поветрие общее. Оно задело почти всех — от Брюсова и Сологуба до Гумилева. Бальмонт был одним из первых. Упоенно укачиваемый стиховой волной, увлеченный игрой тьмы и света, он все же иногда замечал, что «Из царства вневременной темноты / К нам рвутся извращенные мечтанья...»***⁴². Химеры Бальмонт называет двойственными видениями, видит в их создателе своего двойника: «Я в стих влагаю твой скульптурный крик»****⁴³. Вполне традиционно считая химеры парижского собора олицетворением человеческих грехов, он рисует в терцинах единорога, гермафродита, колдунью с птицей и других чудищ, названных свитой Сатаны, а затем торжественно восклицает: «И все они венчают — Божий Дом!»*****.

Нашествие химер в русской поэзии вслед за «Художником-Дьяволом» провозгласил его манифест «О чудовищах», заключавший книгу статей «Горные вершины» (1904)⁴⁴. В нем Бальмонт признал: «нас пленяют извращенные лики» и обосновал тягу к чудовищам: «В диком беспутстве карнавального разгула нам чудится намек на свободу выбора»^{6*}. Почти половина манифеста посвящена химерам Нотр-Дам, которых поэт описывает с болезненным

* Маяковский В. В. Указ. соч. Т. 6. С. 211.

** Волошин М. А. Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2000, 2003. Т. 1. С. 23.

*** Бальмонт К. Д. Полн. собр. стихов. М.: Скорпион, 1908. Т. 3. С. 221.

**** Там же. С. 200.

***** Там же. С. 203.

^{6*} Бальмонт К. Д. Горные вершины: Сб. статей: Кн. первая. М.: Гриф, 1904. С. 206.

любованием: «Шерсть на химерах похожа на листья ядовитых трав, она вырывается из тел, как пламя из хвороста, брызнув по бокам хищными очертаниями. Дружной семьей стоят любовные дьяволы. Один — утонченный с крыльями как у ангела, с нежными руками, выхоленным вниманием...»* «Всем чудовищам радуется наша душа, то потому, что они похожи на нас, — объясняет Бальмонт, — то потому, что они совсем из другого мира»**.

В 1917 году он написал и о другой химере:

.....
 Комолая, грузно и слепо бодая,
 Какие еще ты готовишь погромы? <...>

.....
 Вспоенная кровью, поящая лжами,
 Ты будешь, как только исполнится мера,
 В глубокой, тобою же вырытой, яме,
 Из чада ишедшая, призрак-химера*** 45.

Эти из чада ишедшие химеры, порождения антикосмоса, сопровождавшие Жругра, и являлись автору «Розы Мира», неодобрительно цитировавшему в ней из Бальмонта лишь общеизвестное «Я — изысканностьрусскоймедлительнойречи...»****46. Амеждутемубальмонта есть стихотворение, намекающее и на знаменитую книгу Даниила Андреева, и на его судьбу. Оно называется «Мировые Розы»:

Мой сад — Земля обширная,
 И весны в нем повторныя,
 Сплетенья многозвездныя
 Меняют свет и тьму.
 Но тает сказка черная,
 Встают виденья черныя,
 И болты мне железные
 Велят упасть в тюрьму*****.

* Бальмонт К. Д. Горные вершины: Сб. статей: Кн. первая. М.: Гриф, 1904. С. 208.

** Там же. С. 209.

*** Бальмонт К. Д. Светлый час: Стихотворения и переводы. М.: Республика, 1992. С. 291–292.

**** Бальмонт К. Д. Полное собр. стихов. М.: Скорпион, 1908. Т. 3. С. 54.

***** Бальмонт К. Д. Полное собр. стихов. М.: Скорпион, 1911. Т. 6. С. 76.

Оказавшись после революции в Париже, Бальмонт эмигрантски бедствовал, тяжело болел, попал в лечебницу для душевнобольных, писал: «<...> мне в Париже ничего не надо, / <...>»*. Но и химеры Нотр-Дам, и химеры, исшедшие из чада, так или иначе над ним витали. Умер он под Парижем, в приюте матери Марии в декабре 1942 года, как раз в те дни, когда рядовой 196-й дивизии Даниил Леонидович Андреев готовился к переходу через завьюженную Ладогу, навстречу «чудовищам» блокадного Ленинграда.

Химеры, маячившие над больной и страшной судьбой его двоюродного брата, после освобождения из лагеря скончавшегося в инвалидном доме⁴⁷, над его сестрой, умершей от рака в лагерной больнице⁴⁸, концентрировали в себе какое-то злое начало. Оно витало не только над семейством благороднейшего доктора Доброва. Кому это было почувствовать, как не поэтам? Даниил Андреев упоминает о «замечательной» поэме «Химера» Коваленского, мужа его двоюродной сестры⁴⁹. Она написана в том же доме Добровых и пропала на Лубянке после ареста автора. Судя по отрывку, который цитируется Даниилом Андреевым в заметках по стиховедению, эта Химера явное порождение советского Жругра:

...Веселей,
шут!
Лозунгами
По вершкам
бей
лбов,
Чтоб лопух
стал
розанами,
Лопухом
стал
дух!..⁵⁰

Но в химерах парижского собора есть и другое, то, что в «Розе Мира» названо Дуггуром, в котором «царят демоны великих городов»⁵¹, и связано с лунною демоницей Воглеа, вызывающей бушевание темных страстей и «мистическое сладострастие».

В свой «темный период», овеванный хмелем Дуггура и увенчанный статуэткой химеры, Даниил Андреев был захвачен поэзией

* *Бальмонт К. Д.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1969. С. 442.

Блока. Называя Блока водителем и братом, прошедшим тем же «сатанинским царством»⁵², Даниил Андреев ощутил в его поэзии подмену Прекрасной Дамы демоницей Воглеа⁵³. Открывающийся стихотворением «Александру Блоку»⁵⁴ цикл «Голубая свеча»⁵⁵ в книге «Русские боги» посвящен Богородице, Вечно Женственному — Пробразу Прекрасной Дамы, воспетой Блоком. «Дом Пресвятой Богородицы» — главные стихи цикла⁵⁶. Домом Пресвятой Богородицы на Руси называют Успенский собор. Даниил Андреев упоминает здесь также «ажурные башни»⁵⁷, «узкие шпили»⁵⁸, «Ave Mater»⁵⁹, говоря и о другом образе Дома Пресвятой Богородицы — католическом, вновь заставляющем вспомнить о соборе Парижской Богоматери. Но Блок видел собственных химер, чаще в русском обличье. Это пузыри земли⁶⁰, весенние твари⁶¹, болотные чертенятки⁶², красный карлик, вдруг появляющийся «вверху — на уступе опасном»⁶³. Демоницу Дуггура можно угадать в его деве «в огненном плаще»⁶⁴, оборачивающейся змеей? или в Жене на Звере Багрянном^{***}.

В русской поэзии начала века «химерические» образы описанного Даниилом Андреевым Дуггура появляются в разных обличьях. Но химерами собора Нотр-Дам они являются не только у Бальмонта. Его современник, почти забытый Алексей Лозина-Лозинский, издававший свои книги под псевдонимом Я. Любяр, отдается химерическим стихам с отчаянием и вызовом гибнущей души. В поэме «Химеры собора Notre-Dame de Paris» он пристально вглядывается в создания, как он считает, то ли безумного поэта, то ли «дикого» мистика:

Их лица странны. Любопытны,
Удивлены, как у детей,
Иль равнодушны, мертвы, скрытны,
С печалью каменных очей

.....

Иль с хищной радостностью силы
Глядят химеры злобно вниз,
Упершись лапами в перила
И перегнувшись за карниз^{****}.

* Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 109.

** Там же. С.111.

*** См. стихотворение А.А. Блока «Невидимка» (1905).

**** Мир искусств в образах поэзии. М.: Работник Просвещения, 1922. С. 53–54.

Он видит в химерах искаженные Средневековьем, когда «считались злом желанья тела», языческие порывы природного начала:

Не жил монах — он лишь молился,
Он не любил — он лишь страдал,
И фавн в химеру превратился,
В начало дьявольских начал*.

От этих начал и химер поэт не отрекается, они гадки, но близки человеческой, путающейся душе, и вот уже он сам сродни им:

Прикован к лжи и камням зданий,
Я рвусь, как вы, химеры, в глушь,
Я в вас влюблен, как в злость желаний
Лесных, преступных наших душ**.

Алексей Константинович Лозина-Лозинский в 19 лет вследствие несчастного случая на охоте потерял ногу, мучился приступами меланхолии. Считал себя неудавшимся поэтом, называл «шатунном по свету». По словам современника, «погружавшийся в тот „страшный мир“, который открыл Блок», поэт трижды пытался покончить с собой, в четвертый раз ему это удалось. Приняв морфий, он принялся описывать предсмертные ощущения. Произошло это в Петрограде тусклым ноябрьским днем 1916 года. Поэту было тридцать лет.

Сам победитель Химеры Беллерофонт⁶⁵, оседлавший Пегаса, кончил незавидно: лишился разума и долго скитался хромым (прихрамывал, кстати, и Бальмонт, после неудавшейся попытки самоубийства), слепой и всеми проклятый, пока не умер⁶⁶. Взмывавший в гордыне на крылатом Пегасе к Олимпу, он не был поэтом. По крайней мере, об этом не говорят ни Аполлодор, ни Гомер, ни Гесиод, ни Пиндар. Но известно, что герой был ослеплен славой. Пиндар, воспевший подвиги Беллерофонта, о его печальном конце рассказать не захотел: «Об участи его — смолкаю»⁶⁷.

«Химера» в переводе с греческого значит «коза». Греческий герой поразил огнедышащую козу в ее логове на горе Краг, горе с потухшим ныне вулканом. Вот как Химера описана в «Илиаде»:

* Там же. С. 54.

** Мир искусств в образах поэзии. М.: Работник Просвещения, 1922. С. 55.

Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дыхла она пожирающим пламенем бурным*⁶⁸.

Лозина-Лозинский с химерами, на коз уже непохожих, не сражался, как Беллерофонт, не ужасался им, как Бальмонт, он в стихах «обнял их, как брат и друг». Конец его страшен.

«Сны разума порождают чудовищ»⁶⁹. Неужели это Средневековье — сон разума?

Гойя создавал свои пугающие «Капричос»⁷⁰ во времена французской революции. Огромные копии гойевских кошмаров, сделанные Леонидом Андреевым, украшали его дом на Черной речке⁷¹. Даниил Андреев не мог не помнить отцовских росписей. Поглядывая на них, его отец встретил революцию, которую пережить не смог. Может быть, эти рогато-крылатые уроды и вдохновляли писание оставшегося неоконченным «Дневника Сатаны», герой которого — вочеловечившийся дьявол⁷².

Революции всегда являют чудовищ, они множатся и вочеловечиваются в ее кровавом воздухе. Но как раз в годы французской революции большинство средневековых химер, как и многих других скульптур собора, было уничтожено. Собор Парижской Богоматери Великая французская революция превратила в Храм Разума. Культ Разума был провозглашен национальной религией. На клиросе собора пылал «Огонь Истины», статую Богоматери заменили статуей Свободы. На революционных празднествах в Храме звучал «Гимн Свободе», написанный Мари-Жозефом Шенье, братом казненного революцией Андре Шенье. Но уцелевшие химеры с перил балюстрады смотрели вниз, наверное, все так же зло. Об этом написал еще не искушенный в революционной логике девятнадцатилетний Илья Эренбург:

Когда слепые Робеспьеры
Вводили культ в ее стенах,
Всегда зловещие химеры,
Как прежде, наводили страх**.

Стихотворение заканчивалось моралью: «Забыв священные заветы, / Париж Мадонну оскорбил, / И всемогущий Бог за это / Ему

* Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990. С. 85.

** Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 92.

жестоко отомстил»*. То, что мораль окажется справедливой и для русской революции, Эренбург вряд ли догадывался. В революционные годы о Великой французской революции в России вспоминали часто.

Волошин писал о короле и вождях термидора, о терроре, когда «казнят по сотне в сутки»**⁷³, когда, наконец, «на кладбище химер / Последний путь свершает Робеспьер»***⁷⁴.

Бунин в «окаянные дни» много читал о французской революции, писал. Писал об Андре Шенье, о Камилле Демулене. В 1924 году в Париже он написал о Богине Разума — актрисе Терезе Анжелике Обри, выступавшей в этой роли в соборе Парижской Богоматери 10 ноября 1793 года****. В тот день в соборе, свергнув Святую Деву, короновали Богиню Разума, как Новое Божество. Актриса была в санкюлотской красной шапочке и с копьём. Ее сопровождали два хора поклонников Свободы. Подтягивал ли им хор химер? Через годы после революции на спектакле «Возвращение Уллиса» пользующаяся успехом актриса исполняла роль Минервы. Она парила над сценой на так называемой «Славе», и вдруг «Слава», обрвавшись, упала. Так же некогда упоенного славой Беллерофонта сбросил с олимпийских высот Пегас. Обри унесли за кулисы окровавленной калекой.

В те двадцатые годы об этих же революционных временах писал свой романтический цикл Марк Алданов. И название циклу «Мыслитель» дала химера, прозванная «Дьяволом-Мыслителем».

Глядя с собора Нотр-Дам, герой алдановского романа «Девятое термидора» рассуждает о Робеспьеровой добродетели, ради которой потоками лилась кровь, и вдруг видит химеру. «В двух шагах от него на перилах сидело каменное чудовище. Опустив голову на худые руки, наклонив низкую шею, покрытую черной тенью крыльев, раздувая ноздри горбатого носа, высунув язык над прямой звериной губой, бездушными, глубоко засевшими глазами в пропасть, где копошились люди, темный, рогатый и страшный, смотрел *Мыслитель*»*****. Это видение обрамляет повествование, мелькает в нем страшным символом, то обнаружившись в колоде карт, пере-

* Там же. С. 93.

** Волошин М. А. Указ соч. С. 248.

*** Там же. С. 250.

**** См. Бунин И. А. Богиня разума // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 78–87.

***** Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 1. С. 316.

бираемой героем перед переходом через Чертов (!) мост, то явившись умирающему Наполеону.

Темна история создания химер Нотр-Дам. Собор строился больше века, романская напряженная тяжесть за этот век превратилась в готический стрельчатый порыв. Шатобриан в «Гении христианства», восхищаясь готическими соборами, сравнивал их с лесами, слыша переключку колоколов с раскатом грома в чаще. По его словам, «века поют свою древнюю песнь в каменных недрах огромного собора: в святилище раздаются стоны, подобные воплю древней сивиллы...»*.

Но есть и другой взгляд на готику, не романтический, а эзотерический, взгляд уже XX века, иррационально и так рассудочно тянущегося к запредельному. Подробно, последовательно он изложен в книге оккультиста, скрывшегося под псевдонимом Фулканелли, «Тайна готических соборов». Изданная в двадцатые годы во Франции, недавно она появилась и у нас⁷⁵, — эзотерика теперь в большой моде. Фулканелли называет готический собор «библией оккультизма», «молчаливым прославлением древнего знания Гермеса»**, которое сохранили средневековые мастера. Этими мастерами он считает Вольных Каменщиков. Герметические сюжеты он находит повсюду, и с занудной — по крайней мере, так кажется мне, «непосвященному», — обстоятельностью истолковывает их. Фулканелли сосредоточен на одном: «Факел алхимической мысли освещает храм христианского откровения»***, — утверждает он, считая готический собор наделенным силой святого, «алхимического Грааля»****.

Говоря о химерах Нотр-Дам, он зачарованно описывает одну из них, находящуюся на северной башне собора, называемую Алхимиком: «На голове его фригийский колпак, атрибут Адепта (то есть Посвященного. Этот колпак был масонским символом. — *Б. Р.*), он небрежно надет на густую шевелюру; ученый закутан в легкий плащ и опирается одной рукой на балюстраду, другой — гладит свою густую бороду. Он не размышляет; он наблюдает. Пристальный острый взгляд. Вся его поза выражает

* Эстетика раннего французского романтизма. М.: Искусство, 1982. С. 190.

** Фулканелли. Тайна готических соборов. Б. м.: Refl-book; Ваклер, 1996. С. 68.

*** Там же. С. 101.

**** Там же. С. 212.

крайнее напряжение. Его плечи сгорблены, а голова и грудь — подались вперед. Эта каменная рука оживает. <...> Говорят, что видели, как она шевелилась...»*.

Что дожило до нас в громадном, вмещавшем почти девять тысяч молящихся соборе Парижской Богородицы с двумя кажущимися недостроенными башнями из Средневековья? Собор не раз перестраивался, скульптуры его уничтожались, и химеры были воссозданы в середине XIX века во время реставрации⁷⁶. Даже высказывают предположение, что большинство их изваяно заново по рисункам великого карикатуриста Домье.

Но еще до многолетней реставрации собор Парижской Богородицы патетически воспел Гюго, сделавший его своим романом таким знаменитым. Вроде бы мимоходом он сравнил собор с химерой: «у нее голова одной церкви, конечности другой, торс третьей»⁷⁷. Но все герои романа таинственно связаны с химерами. Квазимодо он называет подобием ожившей химеры. Эсмеральда неразлучна с козой, далекой, но ближайшей родственницей химер. Козлиность нечистой силы давно известна. Начинается роман Гюго словом из греческой трагедии («трагедия» в переводе с греческого означает «песнь козлов»). Это слово — «рок». О роке обычно говорит хор в древнегреческих трагедиях.

Химеры у башен собора не просто готическая прихоть, они еще и служат водостоками. Но недобрая тяжесть Нотр-Дам до сих пор удивляет, как и ехидно глядящие вниз химеры. Их действительно следует остерегаться. Да, они произведения искусства. Но разве произведения искусства не живут собственной жизнью? Разве так уж безобидны образы зла, на которые мы смотрим? Которые мы сами и творим? Или, по крайней мере, помогаем их воплощению в нашем мире. Неужели они не оставляют следа в нас?

Николая Оцуца, последователя Гумилева, чуть ли не в те же годы, когда злосчастные статуэтки смущали семью Добровых, в парижской эмиграции мучают химеры, являющиеся «из ничего»:

Есть нежная и страшная химера:
Не все лицо, не руки (на свету),
А только рот и дуло револьвера,
Горячее от выстрела во рту.

* Там же. С. 70.

Есть и такая: толстая решетка,
И пальцы безнадежные на ней,
И прут железный в мякоть подбородка
Врезается все глубже, все больней.

Есть и другие — в муке и позоре
Они рождаются из ничего,
Они живей чудовищ на соборе,
Они обрывки ада самого*.

Поэты русской эмиграции не могли не писать о химерах, они чувствовали на себе их взгляд, слышали их голоса.

В 1928 году вышла книга стихов барона Анатолия Штейгера «Этот день». В ней, в стихотворении, где описывается, как «На пьедестале у зеленой Сены / Скривил лицо насмешливый Вольтер»**, ехидное лицо философа заставляет поэта вспомнить о химерах:

Тоска, тоска! А черные химеры
Смеются на высокой Notre-Dame***.

Во время войны Штейгер умер в Швейцарии от туберкулеза.

У Марии Веги в лирическом действии венка сонетов «Ведьма» участвует собор Парижской Богородицы и тоже слышатся голоса химер:

.....
О чем рыдает этот вой звериный,
Что говорит химер тревожный взор?

Какая боль в нем судорожная бьется?
О вырваться, умчаться на простор!
Пусть их полетом воздух содрогнется****
.....

Кажется, над всеми русскими поэтами с их малоудачливыми судьбами реют чудища, когда-то сладострастно описанные Бальмонтом.

* *Оцун Н. А.* Океан времени. СПб.: Изд-во «Logos»; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 101–102.

** *Штейгер А.* Этот день. Париж, 1928. С. 16.

*** Там же. С. 17.

**** *Вега М.* Польнь. Париж, 1933. С. 49.

Ирина Кнорринг: «Жадно смотрят четыре химеры, / Напряженно следят за мной»*.

Софья Прегель: «Остроухие ждут химеры, / Ухмыляются тишине / <...>»**

Георгий Евангулов: «И дни без бывшего хмеля / Свою прежнюю прелесть утратили. / И гримасничают химеры / На Парижской Богоматери»***.

Юрий Софиев в стихотворении «Каменщик и химера»: «<...> высунув язык, на мир глядит / Холодное и злое изваянье, / Которое подтачивает, тлит / Любовью созидаемое зданье»****.

Поэты сами начинают ощущать себя этими зловещими духами: «Как химера на башне, / Снизу я погляжу на звезду»***** (Юрий Терапиано), «<...> химеры станут людьми, / а не символом веры / во зло <...>»^{6*} (Валентина Синкевич).

Но о химерах писали русские поэты, не только жившие по соседству с Нотр-Дам. Варвара Иевлева, видевшая в Шанхае китайских химер на изогнутых крышах, во время войны воображала, как в пленном Париже «С темных откосов крыш / Смотрят глаза химер»^{7*}. После войны она вернулась в СССР, где ей пришлось, по слову другого поэта, «оправдываться перед Богом» и доживать «без муз и без газет».

Советские поэты воспевали собственных химер, им было не до парижских, мало кем и виденных. В 1928-м году Павел Антокольский, оказавшийся в Париже, заметил в дневнике: «У меня чувство, что именно сюда, к собору и к его химерам я и приехал»^{8*}. И в стихах смело говорил от имени химер:

Кусаясь и даваясь,
Гримасы по частям одалживая многим,
Мы в слепках мерзостных гуляем между вас^{9*} 78.

* Кнорринг И. Стихи о себе. Париж, 1931. С. 22.

** Прегель С. Встреча. Париж: Новоселье, 1958. С. 83.

*** Евангулов Г. Золотой пепел. Париж, 1925. С.13.

**** Эстафета: Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Париж; Нью-Йорк: Дом Книги, 1948. С. 193.

***** Эстафета: Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Париж; Нью-Йорк: Дом Книги, 1948. С. 193.

^{6*} Новый Журнал 1997. № 208. С. 123.

^{7*} Русская поэзия Китая: Антология. М.: Время, 2001. С. 216.

^{8*} Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. С. 708.

^{9*} Там же. С. 77.

Через десятилетия он честно признался: «Мы, сеятели вечных, добрых, / Разумных аксиом, / За кровь Лубянки, темень в допрах / Ответственность несем»*.

Как ни странно, «химерические», если их можно так назвать, сюжеты в русской поэзии XX века так многочисленны, что из них можно составить целую антологию. Вначале они появились в ней, может быть, в том же невинном сувенирно-эстетском обличье, как и в доме Добровых. Это еще в 1905 году замечено Волошиным:

.....
 На стенах японские эстампы,
 На шкафу химеры с Notre-Dame.

.....
 Полки книг, бумаги на столах^{6*}

Но постепенно эти «безделушки», напитавшись воздухом, в котором оказалось столько таинственной энергии Зла, стали оживать, вмешиваться в жизнь, делаться поэтическими образами. «Химерическая» тема ужасает не только inferнальными образами, но и трагическими судьбами поэтов, над которыми витает призрак обезумевшего Беллерофонта. Какая-то тайна в этом есть.

То, что мне рассказывала вдова Даниила Андреева о привезенных в дом Добровых химерах, удивительно. Но известны похожие истории и об африканских масках, и о языческих скульптурах-идолах. Вы думаете, это лишь страшные сказки?

Только я начал писать о химерах, как вдруг выключилось электричество, экран компьютера погас, не помог почему-то — в первый раз! — даже источник бесперебойного питания. Написанная страница исчезла. Это было предупреждение.

А в Москве нынче поставлен мюзикл «Нотр-Дам де Пари», из музыкальных киосков на улицах несутся арии то несчастного Квазимодо, то рокового Архидьякона. И может быть, для нас неслышно, им вторит хор химер.

После того, как я все это написал, на другой день вечером террористы захватили в заложники зрителей другого мюзикла — «Норд-Ост»⁷⁹.

2002

* Реквием: Стихи русских советских поэтов. М.: Современник, 1989. С. 71.

^{6*} Волошин М. А. Указ. соч. С. 71.